

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Н.А. НИКОЛИНА

Москва

Висячий дефис и его употребление в современной речи

В статье рассматривается функционирование конструкций с висячим дефисом в современной письменной речи, отмечаются новые тенденции в их использовании.

Ключевые слова: *висячий дефис; компрессия; однородные члены предложения; сочинительная связь; активные процессы в современной речи; орфография.*

Для современной русской письменной речи характерна активизация конструкций с висячим дефисом, которые интенсивно используются и в языке СМИ, и в текстах научного стиля, и в художественной речи. Употребление таких конструкций в русском языке рассматривается исследователями как явление сравнительно новое [Акимова 1990], однако в западноевропейских языках, прежде всего в немецком, сочетания с этим знаком отмечаются уже в XVI в. [Адмони 1966].

Висячий дефис – небуквенный орфографический знак, который употребляется при редукции одного из повторяющихся компонентов двух (или более) членов сочинительного ряда, содержащих общий элемент:

радио- и телепередачи; засухо- и морозоустойчивые растения; свето- и водолечение; трех- и четырехэтажные дома; выше- и нижеперечисленные примеры.

Висячий дефис как знак указывает на то, что усеченная часть представляет собой не законченное слово, а его «элемент – составную часть сложного слова» [Букчина 1979: 137]. Употребление висячего дефи-

са связано с действием закона экономии языковых средств и отражает одну из стратегий компрессии, получившей широкое распространение в современной речи, – стяжение сочинительной конструкции, основанное на сокращении общей части ее членов – совпадающих морфем. В результате подчеркивается структурное единство ряда, чаще ряда однородных членов: «Крайняя форма, в которой проявляется структурное взаимодействие между однородными членами, – это приобретение двумя (или даже большим количеством однородных членов) одного общего словообразовательного аффикса» [Адмони 1966: 121]. Таким образом, умножение одной и той же позиции в предложении сопровождается в письменной речи сокращением в нем тождественных элементов. Этот процесс редукции охватывает синтаксические группы, включающие преимущественно сложные или сложносоставные слова.

В современной речи он углубляется и не исчерпывается только сложными по составу лексическими единицами.

Сокращаемый элемент может быть представлен:

– основой слова:

В Боливии до недавнего времени развитие межкультурного дву- и полиязычного образования происходило главным образом не

*Николина Наталья Анатольевна, кандидат филол. наук, профессор МПГУ.
E-mail: admin@riash.ru*

в рамках традиционной системы образования. (А. Желудова);

– интернациональным связанным корнем:

Не сомневаюсь, именно он получит все профессиональные теле- и кинопремии. (А. Солнцева);

– префиксом, что свидетельствует о высокой степени самостоятельности этой морфемы по сравнению с другими аффиксами:

Придаточные времени могут занимать и пре- и постпозицию. На этот счет тебе придется проконсультироваться у своих друзей, исповедующих про-, и до-, и нео-, и антифрейдистские взгляды. (Р. Облонская);

– префиксоидом:

Необходимо затронуть вопросы само- и взаимопроверки. (А. Заволокин);

– цифрой или буквой:

А- и Б серии, 2- и 3-стопный размер.

Особый интерес представляют активизировавшиеся в последнее время сочетания, в которых первая часть представлена префиксом. В этом случае в речи функционирует уникальная конструкция «морфема + сочинительный союз + целое слово». Ср., например:

У Владимира Шинкарева тоже есть подобная – но не анти-, а просто утопия. (О. Кузнецова); Этот театр успешно работал и привлекал зрителей как в до-, так и в постперестроечные времена. (Из газет); Самосознание над- и сверхкосмично, в нем есть стремление к бесконечности; это – особая надмирная ступень бытия. (Л. Василенко).

В такой конструкции чаще используются заимствованные префиксы *анти-*, *контр-*, *пост-* и др., из исконных префиксов – приставки *до-*, *над-*. Их употребление в составе рядов с висячим дефисом указывает на высокую степень автономности этих приставок и возможность их свободно сочетаться не только с другими морфемами, но и со словами разных классов.

В большинстве случаев компоненты конструкций с висячим дефисом занимают одну и ту же позицию и являются однофункциональными, однако в текстах

встречаются и ряды с двойным сильным управлением, выступающие в сочетании с глаголом. Б.З. Букчиной было выделено несколько групп таких конструкций, где висячий дефис употребляется не в составе ряда однородных членов:

а) *от... до*: от светло- до темно-коричневого цвета; от серовато- до железно-черного цвета; от тонко- до толстотаблитчатого...; б) *от... к*: от вне- к внутриутробной жизни; от ферми- к... жидкости; в) *из... в*: из шести- в трехвалентное состояние; г) *с... на*: с бази- на акропетальный порядок зацветания [Букчина 1979: 132].

Таким образом, конструкции с висячим дефисом представляют собой как ряды однородных членов предложения, так и сочетания других типов.

В современной письменной речи тем не менее преобладает редукция именно компонентов однородных членов с тождественной частью, при этом доминирует сокращение основ сложных слов – имен существительных, прилагательных или числительных:

Как только РСРП обратился к импортерам аудио- и видеопродукции с предложением о выплатах, в ответ последовали уклонения... (Культура. – 2013. – № 14); На улочках старого города громоздились трех- и четырехэтажные дома с бесчисленными лесенками и резными перилами. (Б. Мессерер).

Граница усеченного компонента в конструкциях, включающих сложные слова, обычно маркируется интерфиксом, который, с одной стороны, служит для удобства произношения ряда, с другой – выступает в роли пограничного сигнала. Ср., например:

В статье представлен краткий анализ речевых показателей... одно-, дву- и полинаправленного отчуждения участников диалога. (О. Дубчак); Это современная психологическая проза с умело и точно воссозданной атмосферой старо- и новомосковской жизни. (С. Костырко).

Функциональное своеобразие интерфиксов было показано Н.М. Шанским:

Соединительные гласные *о* и *е* представляют собой наиболее яркую примету структуры подавляющего большинства сложных слов слитного характера. <...> По своей се-

мантике, совершенно независимой в отличие от значений суффиксов и приставок от образующих основ, соединительные гласные, собственно, аналогичны соединительным союзам. Разница лишь в том, что соединительные союзы выступают как связочные слова, объединяющие слова и части сложного предложения в составе предложения, а соединительные гласные являются связочными морфемами, объединяющими основы и слова... [Шанский 1968: 102–104].

В конструкциях с висячим дефисом, таким образом, разными способами подчеркиваются отношения соединения: союз выражает их непосредственно, а интерфикс акцентирует.

Интерфикс сохраняет «память» об исходном слове и в то же время в рассматриваемой конструкции выступает в роли структурного элемента – показателя границ первой сокращенной и прерывистой основы. В ряду, объединяющем сложно-составные слова, при сокращении первого компонента интерфикс не используется:

...К середине 90-х российский концертно-промоутерский цех был развит еще довольно слабо и визитами рок- и поп-исполнителей первой величины нашего зрителя баловал нечасто. (Д. Б о ч а р о в).

Конструкции с висячим дефисом могут быть двучленными (что встречается чаще) и многочленными. В современной речи наблюдается тенденция к увеличению числа их членов: распространение получают трех- и четырехчленные ряды. Ср., например:

Она... в плаще, слегка тронутым весенним, или осенним, теперь мы не узнаем уже, ветерком, просто-, гладко- и русоволосая, с большим пучком на затылке... (А. М а к у ш и н с к и й); Она была милой девочкой, к которой тянулось мое семи-, восьми-, в тот момент девяти-, а позже еще и десятилетнее сердце. (Н. А н д р е е в).

Традиционно считается, что в конструкциях с висячим дефисом сокращению подвергается первый компонент сочетания. Однако в современной речи сокращаемый элемент может занимать и постпозицию по отношению к слову с общей частью. Дефис при этом служит сигналом ее пропуска и значимого отсутствия:

Мысль о том, что она неточна по отношению к мере недосказанности и пере... (Л. У с а ч е в а); Мужские дуэты и традиционные... И, конечно, телораздирающее и -ломающее соло Татьяны. (И. Г у б с к а я).

В этом случае висячий дефис выступает уже как анафорический знак, отсылающий к предшествующему. Ср.:

Необходимо затронуть вопросы контроля, самоконтроля, проверки и самопроверки, оценки и самооценки. Наиболее важное... значение имеет само-, так как без самооценки поведение не может быть саморегулирующим. (А. З а в о л о к и н); В стихах Натальи Черных есть два удивительных образа... <...> с позднейшим вытягиванием строки, но только здесь внутри самого ямба: от пяти-шестистопного ямба к трех-. (О. Д а р к).

Между сокращаемым словом и другим членом конструкции увеличивается расстояние. Кроме того, висячий дефис в современной речи может служить и знаком членения одного слова, при этом усеченный элемент нередко удален от соотносимой с ним единицы, употребляется и в препозиции, и в постпозиции по отношению к ней:

Удалось создать коалицию – Иран, Сирия, Россия, а дальше, рядом, Египет, а еще дальше – Китай. И, кроме того, нейтрализовать и войти в согласие с другой, контр... украинско-американской коалицией. (А. П р о х а н о в).

В результате в письменной речи расширяется сфера использования висячего дефиса. Таким образом, требует корректировки характеристика употребления этого знака в существующих справочниках, в частности в «Правилах русской орфографии и пунктуации»:

Дефис применяется при записи конструкций с однородными членами, имеющими общий конечный элемент, если все члены, кроме последнего, представлены только начальными элементами; такой дефис называют «висячим», например: *шарико- и роликоподшипники; лит- и изокружки; кино-, теле- и видеофильмы; не двух-, а трехэтажный дом...*» [Правила русской орфографии и пунктуации 2006: 112].

Как видим, в современной письменной речи висячий дефис употребляется не

только в ряду однородных членов, а сокращаемый компонент далеко не всегда выступает в препозиции по отношению к общей части; он может следовать и за словами, ее содержащими. Ср., например:

Не на ультра- волне, не на теле-, но прием. Передача. Прием. (М. А н д р е е в с к а я).

Характер использования всячего дефиса явно меняется, он функционирует в новых для него позициях. Например, в современных текстах появляются конструкции с всячим дефисом, включающие префикс (как правило, это префикс *не*) и бесприставочное однокоренное с сокращаемым слово. Ср.:

Перейдем к дальнейшему расчленению персонажа, гнусно попадающего под типаж «лишних людей», столь не- и ловко употребленных сюжетами... последних столетий. Не- и красивые аутентичные дуры, приехавшие в Москву... все на «раз-и» друг друга понимают... (Н. Р у б а н о в а).

Всячий дефис оказывается в современной речи многофункциональным: выступая как знак сокращения слова, он одновременно служит сигналом свертывания синтаксической конструкции и значимого отсутствия части ее компонента, а также показателем катафорической или анафорической отсылки. В результате всячий дефис может рассматриваться как двусторонний знак – не только орфографический, но и пунктуационный: «с одной стороны, всячий дефис указывает на разрыв слова и поэтому является знаком между частями слова (т.е. действует как орфографический знак); с другой стороны, всячий дефис – знак стяженной конструкции, в которой однородные члены с общей частью как бы записаны упрощенной формулой» [Букчина 1979: 140–141].

Как уже неоднократно отмечалось, основная сфера использования всячего дефиса – предложения с однородными членами. Это преимущественно однородные подлежащие, дополнения и определения:

Не сомневаюсь, именно он получит все профессиональные теле- и кинопремии.

(А. С о л н ц е в а); Среди таких особенно-стей... отмечают коммуникативность (общительность), контактность, эмоциональная

устойчивость, импульсивность, экстра-, интровертированность... внутри- и внешнеобвинительность реакции. (Е. Т и м о ф е е в а); Уныло. Старые одно- и двухэтажные деревянные дома. (А. Р ы б а к о в).

Компоненты конструкций с всячим дефисом, хотя возможна и бессоюзная связь, как правило, связаны соединительными или разделительными союзами (одиночными или повторяющимися):

Кленовая аллея между тихой Каульбах- и шумной Людвигштрассе была все такой же прекрасной... (А. М а к у ш и н с к и й); В двух- или трехлетнем возрасте они покидают родной пруд и плывут вниз по реке к морю. (А. Д ы м о в а); Но ведь наивная татаро- или монголофобия – вымысел того же порядка. (Л. Г у м и л е в); Двух- или трехлетнему ребенку, конечно, большая опера и большой балет недоступны, так что мы создаем особые микроформы, позволяющие малышам впервые встретиться с... настоящим оркестром. (Г. И с а а к я н).

В современной письменной речи, наряду с соединительными и разделительными союзами, все большее распространение получают противительные и сопоставительные союзы. Ср.:

Художественное произведение... поддается как интер-, так и интратекстуальному прочтению. (Н. К у з ь м и н а); Наряду с мемуарами собственно литературными в серии все же преобладают мемуары скорее около-, а то и вовсе не литературные. (А. Н о с о в); Квартиры здесь двух-, а в новых домах и трехкомнатные. (Из газет).

Использование различных сочинительных союзов позволяет конструкциям с всячим дефисом выражать широкий спектр отношений. Это не только отношения конъюнкции или дизъюнкции, преобладавшие раньше, но и сопоставительные, противительные, присоединительные отношения.

Относительно новой тенденцией употребления конструкций с всячим дефисом является также последовательное распространение второго их компонента, а также включение в состав ряда частиц и вводно-модальных слов:

Койки здесь двух-, а к задней стене и трехэтажные. (В. С е м и н); «Действия» театральной пьесы становятся «взаимно-» или,

вернее, «междудействиями»... и стирают привычное различие между актером и зрителем. (И. Окуневич); ...Я понимал тем не менее, что рассказать друг другу о прожитых жизнях этим пятидесяти- или почти пятидесятилетним друзьям детства, так странно и неожиданно встретившимся, было почти невозможно. (А. Макашиной); Всякая революция бого- или хотя бы религиоборческая. (Л. Игосева).

В конструкцию с висячим дефисом в современной речи в результате регулярно вводится модусный компонент.

Итак, для употребления конструкций с висячим дефисом в современной русской речи характерен ряд новых явлений: это расширение конструкции за счет увеличения числа членов с общим компонентом, подвижность сокращаемого элемента и использование его в постпозиции,

частое распространение членов сочиненного ряда, актуализация модальных значений. Дальнейшее изучение конструкций с висячими дефисом важно как для решения проблем современной орфографии, так и для описания активных процессов в морфемике и синтаксисе.

ЛИТЕРАТУРА

Адмони В.Г. Развитие структуры предложения в период формирования немецкого национального языка. – М., 1966.

Акимов Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. – М., 1990.

Букчина Б.З. Висячий дефис // Современная русская пунктуация. – М., 1979.

Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. – М., 2006.

Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. – М., 1968.

А.В. ЗЕЛЕНИН
Тампере (Финляндия)

Д.В. РУДНЕВ
Санкт-Петербург,
Барселона (Испания)

Плюс, плюсовка, плюсовать...

Предмет рассмотрения в статье — активные языковые процессы, протекающие в словах *плюс*, *минус* на уровне семантики, словообразования, прагматики, стилистики в связи с экстралингвистическими и интралингвистическими причинами.

Ключевые слова: *экстралингвистические факторы; интралингвистические факторы; семантика; словообразование; профессиональная речь.*

История слов *плюс* и *минус* убедительно иллюстрирует «влияние математического мышления» на языковое употребление [Виноградов 2001: 242–243]. Со словами и понятиями *плюс*, *минус* современный человек знакомится уже в раннем детстве, без них нельзя представить нашу жизнь. Но слова эти не только математические термины и знаки («+» и «-»), но также и активные участники повседневного языкового общения.

*Зеленин Александр Васильевич, доктор филол. наук, преподаватель Тамперского ун-та.
E-mail: alexandr.zelenin@uta.fi*

*Руднев Дмитрий Владимирович, кандидат филол. наук, доцент СПбГУ.
E-mail: rudnev@mail.ru*

История появления этих знаков довольно забавна. Как полагают историки математики, итальянский алгебраист Леонард Пизанский (Леонардо из Пизы) уже в XIII в. использовал их для обозначения ошибки при решении задач: при получении большего числа, чем следовало, — слово *plus* ‘больше’, а при получении меньшего числа — слово *minus* ‘меньше’ [Михельсон 1994, I: 556]. Однако знаки «+» и «-» появились намного позже, в выпущенном в Германии руководстве для купцов Й. Видмана (1498), содержавшем символы «+» и «-» [Александрова 2008: 126]. С этими знаками связана легенда, гласящая о том, что проданное из бочки количество вина отмерялось чертой, прямой линией (-), а пополнение